Эллипсис, синтаксический синкретизм и конденсация правовой информации в языке новгородской скры (XIII–XIV в.)*

Е. Р. Сквайрс

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
skvayrs@gmail.com

Аннотация. Анализ правовых текстов Ганзы показал, что, несмотря на эллипсис и синтаксический синкретизм, сохраняющиеся на протяжении XIII–XIV вв. и препятствующие их однозначности, они успешно передают юридическую информацию, опираясь на традицию обычного права и интертекстуальный дискурс. Результаты важны для понимания и перевода источников по истории связей Ганзы с Новгородом.

Ключевые слова: средненижне немецкий синтаксис, язык права, синтаксический синкретизм, эллипсис, Новгород и Ганза, Любское право, Новгородская скра, средневековые грамоты.

Ellipsis and syntactic syncretism as compression of legal information in the Skra of Novgorod (13th–15th centuries)

C. R. Squires

Lomonosov Moscow State University; skvayrs@gmail.com

Abstract. Research on German historical syntax usually stresses the positive impact the development of medieval legal genres and the rising need for unambiguous rules and explicit definition of legal norms has on the improvement of linguistic means of expressing logical and syntactic relations in the Middle High/Low German sentence (Admoni). Our analysis of contexts containing legal penalty clauses (mostly pecuniary charges for disciplinary or criminal offences) was carried out on the basis of the *Skra of Novgorod* (statute of the Hanseatic merchants' yard in Novgorod). Text versions of the mid-XIII century and of the year of 1361 were compared; in several instances, evidence from the

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00131.

1392 version and the municipal law of the city of Lubeck (Lübisches Recht) was used for a broader evaluation. The results show that, contrary to expectation, ellipsis and syntactic syncretism remained a typical feature of the Low German legal language during the whole period under analysis and was not corrected in the later (improved and modernized) versions. Legally meaningful parts of the clauses are regularly omitted, and homonymous (or syncretic) expressions occur, thus impairing clear understanding by modern scholars or correct translation for research use. The apparently successful functioning of syntactically compressed texts in the legal practices of the relevant period may be explained by contextual support on the part of (a) common legal knowledge of the tradition of the German habitual law (from before the introduction of the Roman law) and (b) intertextual discourse with basic legal codices (the Law of Lubeck).

The results obtained are essential for correct interpretation and translation of commercial and legal contexts found in numerous historical documents pertaining to relations between Russia and Hanseatic cities.

Keywords: Middle Low German syntax, legal language, syntactic syncretism, ellipsis, Novgorod and the Hansa, Lubeck Law, Skra of Novgorod, medieval charters.

1. Синтаксис языка и синтаксис права

Средненижненемецкий язык правовых текстов находится в поле внимания историков языка, на их материале наблюдающих его эволюцию, в том числе развитие грамматических средств организации информации. В этом динамическом процессе, связывающем развитие права и историю языка, можно, однако, заметить, что часто правовая информация передана не вполне точно и однозначно: она может не получать однозначного эксплицитного выражения вербальными средствами, оставаясь как бы скрытой в глубине культурно-правового контекста и традиционных обычаев и привычек.

Более того, для правовых памятников Средневековья даже характерна сокращенная реализация формулировок, сопровождаемая эллипсисом, приводящим к опущению важнейших обозначений и понятий юридических положений. По наблюдениям над языком дипломатики и правовых текстов, относящихся к сфере деятельности немецких городов Ганзы в Новгороде¹, есть целый класс различных язы-

¹ В публикации использован материал рукописных источников, собранный в рамках проекта РФФИ 20-09-00065.

ковых явлений эллиптического характера, типичных для правовых текстов и не вызванных, как иногда полагают, писцовыми ошибками или случайными проявлениями неоправданной в данном контексте разговорности. В этой связи встает вопрос о том, каким образом неточность и неэксплицированность языковой формы могли преодолеваться в правовой практике и какими средствами компенсироваться, чтобы правовые нормы, выраженные столь «несовершенным» образом, могли функционировать.

В числе важнейших юридических моментов, тесно связанных с логико-семантическими средствами языка, но в текстах права не всегда точно отраженных языковой формой, правоведы и историки языка отмечают следующие:

- а) направление действия, описываемого в норме или предписанного санкцией;
- б) точное обозначение участников юридической коллизии, в том числе истца, обвиняемого, соучастника, свидетеля, пострадавшего и т. д. (в терминологическом аспекте);
- с) указание субъекта и объекта описываемого действия (языкового агенса и пациенса);
- д) уточнительные пояснения (адъективные и номинативные атрибуты)².

В данной работе будут рассмотрены явления эллиптического сокращения языковой формы, соответствующие первому и третьему пунктам (а, с). В отличие от двух других групп, которые затрагивают сферы номинации (терминология и другие назывные средства вербального оформления правовых норм)³, их объединяет то, что они касаются непосредственной связи языковой формы и логико-семантической структуры правового положения.

В качестве общей иллюстрации проблемы приведем два примера к пункту (с), взятых из Новгородской скры, устава общины немецких купцов, находившихся в Новгороде, в конторе общины — Петровом

² В этом перечислении обобщены данные из работ по проблеме точности юридического языка в сфере современного права [Исаков 2000; Петрова 2006; Пироженко 2016].

³ Проблема неточности и неэксплицированности назывных элементов языкового выражения правовых норм (субстантивных терминов и адъективных уточнений) посвящены исследования [Сквайрс 2019а; Сквайрс 2019b].

дворе. В положениях, регулирующих правила и порядок заселения приезжающих купцов в жилых помещениях Петрова двора, сказано:

- (1) *Wateruare na ereme olden sede, also se hebbet gelotet vmbe dhe hus vnde comet in dhen hof, vindet se lantvare vor en, dhe solen en dhe hus rymen, dhar se vmbe gelotet hebbet, vnde varen in andere hus,* (в буквальном переводе): ‘Зимние гости как **они** по своему старому обычаю бросали жребий насчет помещения, но прибывают на двор и видят [находящихся] там до них летних гостей, **они** должны **для них** освободить помещение, из-за которого **они** бросали жребий, и переместиться в другое помещение’ (Скра I, 2);⁴
- (2) *Alle dhe stouen sunder dhen groten stouen dhe dhen winteruaren to behoret, dhe dhar sin in dheme houe, dhe solen sin gemein.* ‘Все помещения, кроме большой залы, которая принадлежит зимним гостям, которые находятся на дворе, должны быть общими’ (Скра I, 4).

Неоднозначность синтаксических связей между отдельными предложениями (которую мы попытались продемонстрировать намеренно буквальным переводом) оставляет в обоих положениях много неясностей в плане того, кто кому должен уступать помещение (не всегда ясна денотация референта местоимения ‘они’ в примере (1) или на что распространяется уточнение ‘которые находятся на дворе’ (в примере (2))).

В работах по историческому синтаксису немецкого языка немалое внимание уделяется способам выражения логической связи между высказываниями — предлогам, союзам и различным формальным способам уточнения семантики высказывания⁵. И все же авторы публикаций по синтаксису правового языка отмечают у правоведов отставание в осмыслении проблемы в этой области: «На уровне же синтаксиса требования сводятся лишь к констатации недопустимости в тексте закона конструкций, позволяющих неоднозначно толковать смысл правовой

⁴ Здесь и далее в ссылках на текст Новгородской скры римская цифра обозначает номер ее редакции, за ним следует указание параграфа (раздела) в соответствии с изданием в книге [Мальков, Сквайрс 2020]. Из соображений удобства чтения текст цитируется здесь с упрощенной передачей особенностей письма и с нормализованной пунктуацией.

⁵ В качестве важнейших работ по (нижне-) немецкому историческому синтаксису можно привести [Адмони 1963; Rösler 1997; Mähl 2014].

нормы, т. е. правовой синтаксис — проблема, обозначаемая в некоторых работах, но в общем не исследованная» [Петрова 2006]. По справедливому мнению автора этой оценки, обязанности синтаксиста, специализирующегося на языке современного права, не ограничиваются одним лишь достижением однозначности формулировок; в отличие от терминологии, в области синтаксиса требуется понимание глубинной структурной связи языковых форм с логической структурой самого права: «Правовой синтаксис — одно из средств юридической техники, поэтому синтаксический анализ при интерпретации правовых норм является самостоятельным элементом грамматического толкования, поскольку в синтаксических закономерностях юридического языка лежат логические основания правовых норм» (там же). И все же многозначность, аналогичная отмечаемой правоведами в связи с номинативными средствами языка, наблюдается и на уровне синтаксиса: например, она имеет форму правового синтаксического синкретизма (термин И. Л. Петровой), то есть представляет собой совмещение (синтез) в одной форме «значений двух или более элементов грамматической конструкции нормативно-правового акта» [Петрова 2006]. Признавая роль правового синтаксического синкретизма как способа конденсации смысла и экономии языковых средств, правоведа таким образом все же указывают на то, что он по своей сущности противоречит требованию однозначности — одному из главных требований к языку правовых норм.

2. Синтаксис правовых санкций

Проблема синтаксического эллипсиса и синтаксического синкретизма в языке средненижненемецких правовых текстов будет рассмотрена на материале Новгородской скры. Этот устав ганзейской конторы в Новгороде регулировал все стороны жизни внутри Петрова двора и его ежедневные взаимоотношения с местными жителями. Новгородская скра существовала на протяжении всей истории двора и неоднократно перерабатывалась. В статье использованы тексты первой редакции (сер. XIII в.) и четвертой, созданной в 1361 г.; их выбор обусловлен ключевым положением этих редакций, связанным с поворотными моментами в процессе развития правовых принципов работы Петрова двора⁶.

⁶ Подробней об этом см. в книге [Мальков, Сквайрс 2020].

Для ганзейцев, торговавших с Новгородом, характерно четкое понимание правовых основ, на которых они находятся в Новгороде и ведут с русскими торговлю. Согласно праву общины предписывалось выполнять положения устава *bi des houes reghte* ‘в соответствии с правом подворья’ [Скра IV, 82], то есть с теми дипломатическими соглашениями, торговыми привилегиями, конкретными договоренностями с новгородцами, которых добились города Ганзы и которые распространялись на Петров двор. Их нарушение каралось лишением этого права — то есть запретом жить в общине и торговать в рамках предоставляемых ею прав. Эта санкция — наказание лишением прав — удивительным образом формулировалась так же, как приведенная выше «позитивная» формулировка о пользовании всеми правами двора, ср.: *bi des houes reghte* ‘[лишением] права подворья’ [Скра IV, 82]. Практически противоположный смысл этих положений выражен омонимичными формулировками, и, учитывая высокое правосознание людей, которые жили по этому уставу, это явление вызывает удивление и требует объяснения.

Омонимичность двух норм может быть результатом формального совпадения двух положений в результате их сокращения — эллипсиса. для того чтобы выяснить генезис этих формулировок, прежде всего необходимо найти их полные прототипы. В Скре, из которой происходят наши контексты, таких полных формулировок не встречается. Поэтому следует обратиться к правовым кодексам, которые служили образцом и основой для конкретных уставов и соглашений граждан ганзейских городов. Для Новгородской скры такой основой в течение долгого времени служило муниципальное право города Любека (Любское право). В городском праве обычно заметное место отведено различным правонарушениям, определяется наказание за них, поэтому достаточно примеров того, как базовые законы формулируют эти нормы.

Прежде всего необходимо найти грамматически полные формулировки. Вот три примера из Любского права:

- (3) *is de wunde an deme houede efte halze he mud dat **wedden mit** sostich marken*
‘если рана расположена на голове или на шее, то он должен за это ответить 60 марками’;
- (4) *is id eyne lemede **de broke is** vertich mark*
‘если же привело к увечью, то наказание / компенсация 40 марок’;

- (5) *dat breke de schal dat beteren mit XII marken*
 ‘[кто] это совершит, тот должен это компенсировать 12 марками’
 [Nach 1839: 538].

Таким образом, в полных предложениях используются следующие глаголы для выражения значений:

‘совершить проступок / преступление’ — *breken*, переходный (с аккузативом),

‘компенсировать, понести наказание’ — *wedden, beteren*, при которых сумма / размер наказания формулируется в дательном падеже с предлогом *mit*, в инструментальном значении.

Кроме глагола, имеется термин для обозначения наказания / провинности: *broke*. В этом же значении в средненижненемецком языке права используется также общий европейский термин из *lat. poena*: снем. *pene* ‘наказание, мера наказания’, например: *he dede dat <...> by pene, alse by virhundert gulden* [Köbler; Friese 1901: 157] ‘[то] он совершил, заслужив наказания, а именно: в четыреста гульденов’.

В контекстах из Скры эти термины юридического языка, содержащиеся в Любском праве и других основополагающих кодексах законов интересующей нас среды и эпохи, встречаются редко, так как в большинстве случаев именно они подверглись эллипсису. Однако есть несколько примеров, дающих представление о том, как выглядела бы полная, эксплицитная формулировка положений. Вот примеры таких норм, посвященных ограничивающим правилам и запретам:

- (6) *dhe sal ime volgen oue betere ene marc cynen*
 ‘тот должен за ним последовать или пусть платит одну марку кун’ [Скра I, 2];
- (7) *verslepe oc ieman de steuene wan se gekundeget is, de breke I marc*
 ‘Проспит же кто-либо собрание, когда оно объявлено, тот пусть платит / считается должным уплатить 1 марку [штрафа]’ [Скра IV, 19].

Предписанное в первой норме действие (в данном случае модальная конструкция *sal volgen* ‘должен следовать’) и наказание, установленное за его невыполнение (при помощи повелительного наклонения: *betere* ‘плати’), соединены прозрачной, однозначно выраженной связью при помощи союза *oue* ‘или’ (в данном контексте ‘в противоположном

случае’). Второй пример содержит описание проступка в условном придаточном предложении со сказуемым в сослагательном наклонении (*verslepe*), связь этой первой части со второй (называющей провинность / наказание с глаголом в сослагательном наклонении) также синтаксически прозрачна.

2.1. Предписывающая норма

Однако чаще в уставе встречаются варианты с глагольным эллипсисом, когда опущен глагол в части формулировки штрафа:

- (8) *Vortmer welich man siluer weget, de henge dat bret weder up vnde brenge de klyen vnde de doke van denne bi I marc.*

‘Далее, кто взвешивает серебро, тот пусть повесит назад и уберет отруби и тряпье, [иначе] 1 марка [штрафа]’. [Скра I, 13]

В этом эллиптическом варианте буквально сказано только *bi I marc* ‘за одну марку’, но опущены те члены предложения, которые указывают на характер связи между поступком и названной суммой. В результате с формальной точки зрения остается неясным, является ли денежная норма штрафом, угрожающим за неисполнение действий (не убрал доску, отруби и тряпье), или же наградой за их исполнение (плата за уборку). Только общее знание текстов Новгородской скры подсказывает исследователю, что в ней не содержится норм поощрения за соблюдение правил общежития и пользования общим инвентарем (это, очевидно, разумелось само собой), но зато в ней множество предупреждений о штрафах, которые грозили за нарушения. Логика этих правил понятна: штрафы шли в казну общины и касались экономики Петрова двора, благополучие которой было необходимо для общего блага ганзейского купечества и находилось в центре и юридических, и хозяйственных усилий. По этой причине и сами правила, и текст Скры составлены несимметрично, с упором на интересы двора, а не отдельных купцов.

С точки зрения языковой формы следует признать, что в случае эллипсиса это правовое содержание не получает точного выражения. Эллипсис затрагивает два момента важнейшей части формулировки: не только самого опущенного глагола (‘заплати’ или, напротив, ‘получи’), но и направления штрафной санкции (‘плати в таком случае’ или ‘в противоположном случае’) — как наказание или поощрение за поступок. Неполнота языковой реализации затемняет связь

и взаимную направленность описанных действий (поступка и санкции). Для понимания конкретного правила — предписанного нормой обращения с дворовым инвентарем и помещением и предусмотренного в случае нарушения этой нормы наказания — требуется знание общего правового контекста, в котором действовали ганзейцы.

2.2. Ограничительная норма

Но и этот правовой контекст не всегда помогает прояснить направленность описанных действий, ср. два примера:

- (9) *Vortmer en iuwelich merke sine kisten vnde sine tunnen des sunauendes bi I marc*
'Далее, пусть каждый метит свои ящики и бочки в субботу, [иначе] 1 марку' [Скра IV, 12];
- (10) *Vortmer copper vnde bly dat scal men merken vnde vlient bi de muren bi I marc*
'Далее, медь и свинец должно метить и размещать у стен, [иначе] 1 марку' [Скра IV, 8].

Здесь, как и в примере (8), действие, описанное в первой части, не содержит отрицательной характеристики; однако в данных положениях из текста не ясно, в чем именно заключается предписываемое ими поведение. Является ли норма поощрением за любое выполнение действия (хорошо, когда ящики метят по субботам, а медь и свинец хранят вдоль стен, но допустимо и иное), или же норма имеет ограничительный смысл и только в субботу разрешается метить свои ящики и только у стен размещать медь и свинец, а иное поведение карается штрафом? Лишь привлечение общего бытового контекста жизни двора позволяет додумать недостающее в каждом примере, и наше дополнение в переводе ('[иначе]') отражает наш выбор в пользу второй версии толкования.

2.3. Запретительная норма

В этих примерах первая часть содержала предписываемую норму, и штраф назначался за ее нарушение. Противоположную логику несут нормы, в которых первая часть содержит описание проступка,

нарушения или выражает запрет, сформулированный при помощи отрицательной конструкции:

— через императив с отрицанием:

- (11) *Vortmer neman ga mit lichte ane luchten in de kerken bi I marc.*
 ‘Далее, никто не ходи в церковь со свечой без фонаря, [иначе штраф в] 1 марку’. [Скра IV, 3];

— через модальную конструкцию с отрицанием:

- (12) *:Nen mesterman sal laten slapen in der kerken twe knechte bi X marken*
 ‘Не должно купцу посылать спать в церкви двух помощников, [иначе штраф в] 10 марок’ [Скра IV, 2].

Здесь к трудностям, связанным с неоднозначной направленностью оценки (поощрение или наказание) и ограничения (‘только так’ — ‘так, но можно и иначе’), добавляется еще одна ось синтаксического варьирования: в первой части действие описано с помощью отрицательной конструкции. Это дополнительно усиливает неоднозначность языковой формулировки, поскольку неясна зона отрицания в первой части: нельзя посылать помощников спать в церковь — или нельзя двоих, а по одному можно? совсем нельзя ходить со свечой (например, в темное время суток или самостоятельно) — или со свечей в фонаре можно? Правильное понимание этих положений опирается на общий контекст или знание обычаев жизни двора.

3. От эллипсиса к синкретизму

Во всех трех вариантах сокращенных норм — предписывающей, ограничительной и запретительной — проблема возникла в результате опущения глагола с семантикой ‘плати’ (или аналогичной) во второй части, который имелся в полных примерах (6) и (7): *betere, breke*. В результате возникает логическая проблема, которая усугубляется еще и тем, что отсутствует и термин, обозначающий санкцию (‘штраф’, ‘плата’, в примерах выше *broke, pene*, ср. *by pene, alse by virhundert gulden*). Вторая часть, содержащая санкцию и ее величину, теряет два важных элемента (глагол и характер наказания) и сохраняет только

величину (сумму). В результате сумма вводится одним лишь предложением *bi*, без всяких намеков на то, является ли она наградой за выполнение действия, указанного в первой части, или штрафом, грозящим в противоположном случае.

Выше приводились еще два примера с той же предложной конструкцией и отмечалась та же противоречивость: *bi des houes reghte* ‘в соответствии с правом двора’ — *bi des houes reghte* ‘[под угрозой лишения] права двора’. Фактически в этих примерах одинаковое синтаксическое воплощение (при помощи конструкции с предложением *bi*) несет противоположную логику: и подтверждение юридического права, и санкцию лишения этого права. Единственным способом развернуть скрытую этим эллипсисом информацию может оказаться анализ самой конструкции с данным предложением.

Предлог *bi* имеет в средненижненемецком целый ряд значений, участвуя в предложных конструкциях с различными падежами [Schiller, Lübben 1875: I, 327–328]. Его полифункциональность и синтаксическая поливалентность рассматривается как результат развития правовых значений; В. Г. Адмони пишет об этом предлоге: «Массовая выработка специализированных предлогов с подобными логическими значениями в XIV–XV вв. связана с потребностями новых языковых жанров, (...) а именно, разного рода юридических документов, требующих крайней точности в выражении различных логических отношений... » [Адмони 1963: 117]. Как мы видим в наших источниках XIII и XIV в., предлог *bi* участвует в оформлении различных логических отношений, которые трудно различить, и до крайней точности — если иметь в виду форму — очень далеко.

В полученных эллиптических контекстах, как мы видим, вся смысловая синтаксическая нагрузка сосредоточена в сочетании этого предлога с падежом; для уточнения их семантики, следовательно, необходимо прежде всего определить падеж, который в них употреблен, что оказывается не так просто, как можно было бы ожидать. Дело в том, что при эллипсисе глаголов, управляющих конструкцией, и большой омонимии падежных форм существительных, составляющих ее, трудно определить, дательный или винительный падеж наблюдается в конкретных сочетаниях: *by 1 marc*, *bi X marken*. В рассмотренном материале падеж может быть установлен лишь в единичных контекстах: это санкция лишения прав двора *bi (des houes) rechte* и встречающаяся лишь один раз в указании штрафа денежная единица фердинг с сохраненным показателем падежа: *bi eme verdinghe* (Скра IV, 48). Эти случаи позволяют

определить как датив формы существительных *rechte*, *verdinghe* и числительного *eme* 'одному'.

На этой основе можно интерпретировать весь ряд однотипных упоминаний штрафа как датив с предлогом *bi*. Среди целого ряда различных употреблений таких дативных вариантов средненижнемецкий словарь Шиллера — Люббена не указывает ни контекстов, подобных нашим, ни соответствующего значения. Многозначность предлога представляет трудность для анализа, тем более что она свойственна ему с древности. В этой связи Адмони, сопоставляя его со сложным предлогом *bi thiu*, отмечает многозначность уже у древневерхнемецкого словосочетания *bi thiu*, которое имело местное, местно-орудийное, причинное, целевое, модальное значения. Отсюда развился и такой же многозначный союз как маркер сочинительной или подчинительной связи [Адмони 1963: 39, 66].

Средненижнемецкий словарь Г. Кёблера упоминает наш вариант с переводом, но без комментария. Впрочем, данный к примеру *bī vīf marken* перевод 'bei Strafe, bei Verlust' достаточно подтверждает контекст, связанный с наказанием — штрафом или утратой / лишением чего-либо. Словарь немецкого права приводит аналогичные нашим контексты (*bi III m. silvers* '[под угрозой штрафа] в 3 марки серебра') и даже пример, где не опущено существительное 'штраф / наказание': *bi pene libs und guts* '[под угрозой] наказания [лишением] жизни и имущества' [Köbler; DRW]. Последнее свидетельство подтверждает высказанное выше предположение, что опущенным в данной формулировке является существительное со значением 'штраф' или близким по смыслу. Эллипсис, следовательно, состоял, помимо опущения глагола, в сведении трехчленной конструкции

bi + «норма наказания» в дат. п. + «сумма / иное (жизнь, добро)»
в род. п.

к упрощенной двучленной, сохранявшей только переменные (то есть абсолютно необходимые для указания) ее составные части. При этом управление дательным падежом сохранялось, но переходило на уцелевшее:

bi + «сумма/иное (жизнь, добро)» в дат. п.

Здесь уместно напомнить упомянутые выше формы «*mit* + датив» из текста Любского права (примеры (3), (5)). Правда, в производном от него тексте Скры дословно соответствующие им конструкции

не обнаруживаются. Все же примечательно, что предлог *bi*, в результате эллипсиса лишившийся «своего» существительного (обозначения санкции: 'штраф' или близкого по смыслу), требовал датива — так же, как и предлог *mit* из полных контекстов Любского права. Если условно представить себе промежуточную стадию между трехчленной структурой и получившейся в итоге двучленной, то она имеет вид двух контактно расположенных дативных валентностей при одном субstantиве, способном ее заполнить:

bi (эллипсис) в дат. п. + *mit* «сумма / иное (жизнь, добро)» в дат. п.

В результате контаминации двух дативных валентностей образовалась одна форма, в которой субstantив принял первый предлог. Таким образом, преемственность любекским формулировкам, возможно, все же есть, просто она затемнена двойным эллипсисом. Или точнее сказать: формулировки Скры 1361 г. развились в русле типичного эллиптического развития таких формулировок, как найденные в Любском праве конца XIII в. с предлогом *mit*.

В результате этих сопоставлений становится понятной семантическая проблема конструкций с *bi*: они с трудом поддаются семантическому анализу, так как могут синкретично совмещать значения обеих частей, подвергшихся опущению. Это значит, что данный случай двойного эллипсиса в положениях о штрафных санкциях привел к синтаксическому синкретизму, о котором пишет И. Л. Петрова, имея в виду современный язык права: «...совмещение (синтез) в одной форме значений двух (...) элементов грамматической конструкции нормативно-правового акта» [Петрова 2006].

4. Эллипсис в традиции немецкого права

К сказанному следует добавить еще несколько наблюдений, сделанных ранее, но только теперь получающих объяснение. Приведенная реконструкция помогает объяснить ранние сокращения в других важных текстах законов. Например, в Саксонском зеркале, на правовой образец и средненижненемецкий язык которого ориентировались средневековые памятники права в Германии, нет точных прототипов наших формулировок, но есть синтаксически аналогичные конструкции, на которые тоже можно распространить сделанные выше наблюдения

и объяснения: *bi koninges banne* ‘под [угрозой] королевской выплаты’ [Homeyer 1827: 167, 244; Schwab 2017: 225–228].

Факт наличия подобных эллиптических вариантов в Саксонском зеркале свидетельствует о раннем развитии эллипсиса и о его закономерности для немецкого средневекового права. Так, уже в образцовом для Скры Любском праве (в данном случае — его редакции конца XIII в.) в аналогичных контекстах наблюдается предельно развившийся эллипсис. Например, после статьи, классифицирующей преступления (убийство, нанесение увечий, избиение до крови и синяков, нанесение ран колющим или режущим оружием), следуют пункты с назначением наказаний за каждое из них; в этих пунктах преступления обозначаются уже кратко:

(13) *Blaw vnde blot is III punt brokes*

‘Синяки и кровь — это три фунта платы’;

Egge vnde ort is VI mark lub

‘Лезвие и острое — это 6 любекских марок’;

lemede is XX. mark brokes

‘Увечье — это 20 марок платы’ [Nach 1839: 547].

Очевидно, это явление представляет собой характерную черту языка средневекового обычного права, вполне сложившуюся в правовом мышлении к эпохе создания этих важнейших юридических кодексов. Распространение эллиптического сокращения правовых положений было возможно при определенных условиях. Например, приведенные в цитате (13) контексты обладают ясностью и конкретностью на фоне предшествовавших им статей, где о тех же реалиях (типы преступлений) сказано полными формулировками. Таким образом, эллиптические и синтаксически контаминированные фрагменты могли получать дискурсивно обусловленную — однозначную — трактовку и эффективно функционировать в качестве формы хранения и передачи юридической информации. Но и в том случае, когда непосредственно в дискурсе такой опоры на полную форму не было, как это имеет место в Скре, эллиптические и контаминированные формы, стереотипно повторявшиеся из текста в текст и из параграфа в параграф, сохраняли в сознании людей свой полный смысл и связь с хорошо знакомой полной формулировкой⁷. Функциональность эллиптических вариантов

⁷ Обращение к большому кругу текстов средневековых немецких законов заняло бы слишком много места, однако в качестве свидетельства, подтверждающего

поддерживалась, следовательно, понятной, хотя вербально не эксплицированной связью с традицией обычного права.

Поскольку контексты с эллипсисом значительно преобладают в Скре и не устраняются при обновлении ее редакций, выявленная недостаточность и неоднозначность синтаксической организации не может объясняться ошибками писцов или несовершенством синтаксических средств языка. Формальная неэксплицированность в средствах номинации и в синтаксической технике, как выясняется, составляет традиционную и стойкую особенность языка этих правовых текстов. Их функциональность подтверждается тем, что они сохраняются на протяжении долгого времени, не подвергаясь исправлениям или редактуре со стороны писцов и юристов. Еще один яркий пример поможет убедиться в неслучайности этих черт языка. Дело в том, что обе антонимичные конструкции, которые рассматривались выше (формулировка предписанного правила и указание на нарушение), могут стоять в тексте рядом в синтаксически однородной позиции, но при этом иметь общую формулу санкции:

- (14) *Oc vorgeten se de vinstere openen iuwelich vinster is I marc vnde den bom vor de dore to legghende bi I marc.*

(буквально) ‘Также, если забудут открытыми окна, то за каждое окно 1 марка, а за то, чтобы положить брус перед дверью — 1 марка’. [Скра IV, 2].

В первой части здесь синтаксически соположены два поступка: оставление открытыми окон церкви и перекрытие ее двери брусом. В данном случае нельзя даже с уверенностью предложить для перевода вставку ‘[иначе]’: если в отношении окон ясно, что забывший их закрыть должен быть наказан штрафом по числу таких окон, то с дверью дело обстоит не так просто. Можно понять эту часть как требование не забывать закрыть церковную дверь брусом (засовом?),

принадлежность интересующей нас формулировки к традиции языка права, можно привести современные контексты. Конструкция с предлогом *bi* (соврем. нем. *bei*) +существительное ‘штраф, наказание’ сохранилась, ее полная форма и сегодня актуальна в том же правовом контексте. Она употребляется для объявления всевозможных запретов, например: *Auto waschen bei Strafe verboten* ‘Мытье машин запрещено, за нарушение — штраф’. Введенный в Венеции и Флоренции запрет на сидение на ступенях знаменитых соборов и в других любимых местах туристов обыгрывался в заголовке статьи электронного СМИ: *Sitzen bei Strafe verboten* ‘Сидеть запрещено — штраф’ [Spiegel online — Reise; 27.08.2003].

а можно — что нельзя его оставлять там, где он помешает проходу в церковь. В данном случае нет уверенности, какой вариант правильный, так как общего понимания культурного, правового контекста тут недостаточно, а необходимых технических реалий двора мы не знаем. Однако обитатели Петрова двора несомненно их знали. Здесь налицо еще один пример синтаксического синкретизма, другого структурного типа, чем разобранный выше.

Эта норма четвертой Скры 1361 г. была, кстати, перенята в тексте пятой редакции 1392 г. в той же формулировке [Schlüter 1911: I, 130], что говорит о ее полезности и понятности для обитателей двора. Обратившись к здравому смыслу, рискнем предположить, что это положение предписывает аккуратно закрывать и окна, и дверь церкви. Эти два действия представляются логичными с точки зрения общего бытового смысла. В этом случае языковая форма действительно противоречива сверх обычного даже для данного материала: через запятую и с перспективой штрафа перечисляются два противоположно направленных действия (запереть дверь, но забыть закрыть окна). Однако не приходится сомневаться, что ганзейские купцы однозначно и точно воспринимали эти положения, опираясь на реальный, бытовой контекст жизни на Петровом дворе и на общие правовые представления (ср. выше комментарий к примерам (8)–(12)).

5. Результаты и возможности их приложения

В завершение всего изложенного обобщим сделанные наблюдения. Анализ материала показал, что эллиптические и синкретичные синтаксические формы в текстах средневекового права Ганзы являются элементом традиционного языка обычного права, а не проявлением низкого профессионализма писцов или неразвитости языковых средств. Они характерны уже для ранних средненижненемецких кодексов (Саксонского зеркала, Любского права), заложивших не только юридические, но и языковые основы правовой прозы. Даже в текстах, где эллиптические и синкретичные синтаксические формы преобладают, это не препятствует правильному восприятию и применению правовых норм. Основой для их развернутого восприятия служила дискурсивно обусловленная связь с полными формулировками и обычаями правовой традиции. Эта парадигматическая связь с полными вариантами,

в свою очередь, обеспечивалась их повторяемостью в стереотипных контекстах; последнее, очевидно, объясняет их характерность именно для правовых жанров.

Вне сферы языка функциональность эллиптических вариантов поддерживалась понятной для людей связью с общим правовым контекстом и, наконец, со знакомым им бытовым контекстом реальной жизни. Функциональность подтверждается тем, что они сохраняются на протяжении долгого времени, не подвергаясь исправлениям или редактуре со стороны последующих поколений писцов и юристов.

Развивающиеся юридические жанры, таким образом, не только стимулируют выработку уточняющих средств языка для однозначности и точности текстов (Адмони), но и поддерживают — по крайней мере до рецепции римского права — противоположную тенденцию в языке, широко пользуясь средствами конденсации юридической информации (Петрова), достигаемой путем эллипсиса и синтаксического синкретизма.

В заключение хотелось бы сделать еще два дополнительных примечания. Во-первых, в подтверждение сделанных выводов можно сослаться на параллельные результаты другого исследования, в котором проведено сравнение материала древнерусского языка (правовые источники X–XV вв.) и французских текстов права (источники XII–XIII вв.) [Лыкова 2005]. Исследуя явления многозначности и логической неэксплицированности в обоих языках, филолог Н. Н. Лыкова выделяет среди прочих группу, которая характеризуется общим наименованием для реалий, находящихся в антонимических отношениях. Например, по ее данным, во французском и русском языках терминологически не различались предварительное и судебное следствие, а в древнерусском языке одним термином обозначаются истец и ответчик. Эта закономерность, выявленная на материале терминологии (конкретно — именной антонимии), в сфере логических связей и синтаксических структур, рассмотренных нами, реализуется синкретичными фигурами, нейтрализующими, как мы видели, вербальное выражение противоположно направленных действий и отношений.

И наконец, значение полученных результатов можно лучше всего пояснить на примере их применения для решения прикладной научной задачи. Речь идет о трудностях, встающих при переводе и интерпретации таких сокращенных, неоднозначных пассажей в текстах других (хотя и родственных) жанров, например, в исторических источниках по торгово-дипломатическим отношениям Руси с Ганзой.

Например, когда во время очередного конфликта с Новгородом летом 1407 г. ганзейская община Петрова двора обдумывает тактику и ответные меры, она пишет, согласовывая совместные действия с властями города Ревеля:

- (15) *Vnde des sy wy hir ens geworden, dat nemant den kop sal angan by 50 mark vnde by des houes rechte bette to der tiit, dat wy en antworde van iuw hebben.*

Выражение *by 50 mark vnde by des houes rechte*, связанное с ультимативными мерами общины, имеет решающее значение для понимания этого важного исторического документа. Оно выступает в этом письме изолированно, вне дискурсивных связей с аналогичными формулировками, но на основе того общего знания, которое основано на рассмотренном выше материале правовых кодексов (устава Петрова двора и городского права Любека), можно обоснованно предложить интерпретацию и перевод этого послания:

‘И поэтому мы здесь совместно решили, что никто не должен заключать торговые сделки [под страхом штрафа на сумму] в 50 марок и [лишения пользования] правом торговать по правилам [Немецкого] двора вплоть до того времени, пока мы не получим от вас ответ’⁸.

Литература

- Адмони 1963 — В. Г. Адмони. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963.
- Исаков 2000 — В. Б. Исаков. Лингвоюристика: законотворчество, толкование законов и юридических текстов (языковой аспект). Разд. 2. Язык права // Юрилингвистика. 2000. № 2. С. 64–79.
- Лыкова 2005 — Н. Н. Лыкова. Генезис языка права: начальный этап: на материале французских и русских документов X–XV веков. Дисс. д. фил. наук. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2005. URL: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/genezis-jazyka-prava-nachalnyj-jetap-na-materiale-francuzskih-i-russkih-dokumentov.html> (дата обращения 28.08.2019).

⁸ Цитата из письма немецких купцов в Новгороде магистрату города Ревеля от 1 июля 1407 г. приведена по транскрипции и с использованием перевода из корпуса источников по связям Ганзы с Новгородом и Псковом, подготовленного П. В. Лукиным, С. В. Полеховым и Е. Р. Сквайрс в рамках проекта РФФИ 17-01-00158-ОГН.

- Петрова 2006 — И. Л. Петрова. Правовой синтаксис. Автореф. дисс. канд. юрид. наук, Владимир: Владимирский гос. пед. ун-т, 2006. URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovoj-sintaksis.html#1628074> (дата обращения 28.08. 2019).
- Пироженко 2016 — А. В. Пироженко. Язык права и юридическая лингвистика в современном обществе // VI Международная научно-практическая интернет-конференция «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» 2016. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw6/pirozhenko.html> (дата обращения 28.08. 2019).
- Сквайрс 2019а — Е. Р. Сквайрс. Синтаксический эллипсис в средневековом юридическом контексте // Т. А. Михайлова (ред.). Между строк... или Грамматика нереального — 3. Материалы круглого стола. М.: Макс-Пресс, 2019. С. 53–63.
- Сквайрс 2019б — Е. Р. Сквайрс. Нарративно неэксплицированные смыслы в языке средневекового права (на материале Новгородской скры XIII–XIV в.) // Т. А. Михайлова (ред.). Атлантика. Вып. 16. М.: Макс пресс, 2019. С. 74–95.
- Mähl 2014 — Stefan Mähl. Mehrgliedrige Verballexeme im Mittelniederdeutschen: Ein Beitrag zu einer historischen Syntax der Deutschen (Niederdeutsche Studien 57). Köln: Böhlau, 2014.
- Rösler 1997 — I. Rösler. Satz — Text — Sprachhandeln: Syntaktische Normen der mittelniederdeutschen Sprache und ihre soziofunktionalen Determinanten. (Sprachgeschichte; Band 5.) Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 1997.
- Schwab 2017 — V. Schwab. Volkssprachige Wörter in Pactus und Lex Alamannorum. Bamberg: University of Bamberg Press, 2017.

Источники

- Мальков, Сквайрс — А. В. Мальков, Е. Р. Сквайрс. Новгородская скра ([2020] в печати).
- DRW — Deutsches Rechtswörterbuch URL: <https://drw-www.adw.uni-heidelberg.de/drw-cgi/zeige> (дата обращения 15.08.2019).
- Friese 1901 — V. Friese (Hrg.). Die Magdeburger Schöffensprüche für Gross-Salze, Zerst und Anhalt, Naumburg und aus dem Codex Harzgerodanus. Reprint 2018 ed. Berlin: De Gruyter, 2018.
- Hach 1839 — J. F Hach (Hrsg.). Das alte Lübsche Recht. Lübeck: v. Rohden & Bruhn, 1839.
- Homeyer 1827 — C. G. Homeyer (Hrg.). Der Sachsenspiegel oder das Sächsiche Landrecht. Berlin: Dümmler: 1827.
- Köbler — G. Köbler. Mittelniederdeutsches Wörterbuch online, URL: <https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html> (дата обращения 16.08.2019).
- Schiller, Lübben. 1875 — K. Schiller, A. Lübben. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. I. Bremen: Kühtmann [u.a.], 1875.
- Schlüter 1911 — W. Schlüter. Die Novgoroder Skra in sieben Fassungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Bd. I. Dorpat: Mattiesen, 1911.

Spiegel online — Reise; 27.08.2003, URL: <https://www.spiegel.de/reise/staedte/florenz-und-venedig-sitzen-bei-straefe-verboten-a-263118.html> (дата обращения 28.08.2019).

References

- Admoni 1963 — V. G. Admoni. Istoricheskiy sintaksis nemetskogo yazyka [Historical syntax of the German language]. Moscow: Vysshaya shkola, 1963.
- Isakov 2000 — V. B. Isakov. Lingvoyuristika: zakonotvorchestvo, tolkovaniye zakonov i yuridicheskikh tekstov (yazykovoy aspect). Razdel 2. Yazyk prava [Linguojuristics: Lawmaking, interpretation of law and legal texts (the language aspect). Pt. 2. Legal language]. *Yurislinguistika*. 2000. No. 2. P. 64–79.
- Lykova 2005 — N. N. Lykova. Genesis yazyka prava: nachalnyy etap: na materiale frantsuzskikh i russkikh dokumentov X–XV vekov. [The genesis of legal language: the initial stage: French and Russian documents of the 10th-15th centuries. Doctoral thesis]. Yekaterinburg: Yekaterinburg (Uralskiy) University, 2005. Available at: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/genezis-yazyka-prava-nachalnyj-jetap-na-materiale-francuzskih-i-russkikh-dokumentov.html> (accessed on 28.08.2019)
- Petrova 2006 — I. L. Petrova. Pravovoy sintaksis. [Legal syntax. Author's abstract of candidate thesis] Vladimir: Vladimir State Pedagogical University, 2006. Available at: <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovoj-sintaksis.html#1628074> (accessed on 28.08. 2019).
- Pirozhenko 2016 — A. V. Pirozhenko. Yazyk prava i yuridicheskaya lingvistika v sovremennom obshestve [The legal language and jurislinguistics in contemporary society]. *VI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya internet-konferentsiya "Yazyk i pravo: aktualnye problemy vzaimodeystviya"*. [The Sixth International Internet-Conference "Law and Language: current problems of interaction"]. 2016. Available at: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw6/pirozhenko.html> (accessed on 28.08. 2019).
- Squires [2019a] — C. R. Squires. Sintaksicheskiy ellipsis v srednevekovom yuridicheskom kontekste. T. A. Mikhaylova (ed.) *Mezhdru strok... ili Grammatika nerealnogo — 3. Materialy Kruglogo stola* [Syntactic ellipsis in a medieval legal context. Proceedings of a Roundtable]. Moscow: Maks-Press, 2019. P. 53–63.
- Squires [2019b] — C. R. Squires. Narrativno neeksplitsirovannyye smysly v yazyke srednevekovogo prava (na materiale Novgorodskoy skry XIII–XV v. [Narratively unspecified meanings in medieval legal language (based on the Skra of Novgorod of the 13th–15th centuries]. T. A. Mikhaylova (ed.). *Atlantica*. Iss. 16. Moscow: Maks-Press, 2019. P. 74–95.
- Mähl 2014 — S. Mähl. Mehrgliedrige Verbalkomplexe im Mittelniederdeutschen. Ein Beitrag zu einer historischen Syntax der Deutschen (Niederdeutsche Studien 57). Köln: Böhlau, 2014.
- Rösler 1997 — I. Rösler. Satz — Text — Sprachhandeln: Syntaktische Normen der mittelniederdeutschen Sprache und ihre soziofunktionalen Determinanten. (Sprachgeschichte; Band 5.) Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 1997.

Schwab 2017 — V. Schwab. Volkssprachige Wörter in Pactus und Lex Alamannorum. Bamberg: University of Bamberg Press, 2017.

Sources

- Malkov, Squires — A. V. Malkov, C. R. Squires. The Skra of Novgorod ([2020] in print).
DRW — Deutsches Rechtswörterbuch. Available at: <https://drw-www.adw.uni-heidelberg.de/drw-cgi/zeige> (accessed on 15.08.2019).
Frieze 1901 — V. Frieze (Hrg.). Die Magdeburger Schöffensprüche für Gross-Salze, Zerbst und Anhalt, Naumburg und aus dem Codex Harzgerodanus. Reprint 2018 ed. Berlin: De Gruyter, 2018.
Hach 1839 — J. F. Hach. Das alte Lübsche Recht. Lübeck: v. Rohden & Bruhn, 1839.
Homeyer 1827 — C. G. Homeyer (Hrg.). Der Sachsenspiegel oder das Sächsiche Landrecht. Berlin: Dümmler: 1827.
Köbler — G. Köbler. Mittelniederdeutsches Wörterbuch online: <https://www.koeblergerhard.de/mndwbhin.html> (accessed on 16.08.2019).
Schiller, Lübben. 1875 — K. Schiller, A. Lübben. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. I. Bremen: Kühtmann [u.a.], 1875.
Schlüter 1911 — W. Schlüter. Die Novgoroder Skra in sieben Fassungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Bd. I. Dorpat: Mattiesen, 1911.
Spiegel online - Reise - 27.08.2003, Available at: <https://www.spiegel.de/reise/staedte/florenz-und-venedig-sitzen-bei-straefe-verboten-a-263118.html> (accessed on 28.08.2019).